

НАШИ
ИНТЕРВЬЮ

МАЛЫШИ ВИТТОРИО ПОДРЕККА

— В МИРЕ искусства так много чудес — вот вам еще одно.

Мой сосед восторженно глядит на сцену и не может сдержать своих чувств. «Нет, это не куклы, — взволнованно шепчет он мне, — нас обманули, посмотрите, сколько в них человеческого!»

Мы на спектакле римского театра Марионеток «Пикколи ди Подрекка». Его гастроли только начались в Москве, но о театре деревянных пикколи — малышей «папаша Витторио Подрекка», о художниках, которые их создали, об актерах, которые тянут за ниточки своих кукол и сразу околдовывают зрителя, говорят уже повсюду.

В антракте сеньор Карло Фаринелли, директор театра, любезно принимает нас за кулисами.

— Как видите, здесь все выглядит иначе: набитые опилками, в ситцевых лоскутках, они остаются за сценой самими собой — куклами с соломенными сердцами. Сейчас их у нас тысяча двести тридцать, но скоро их будет больше — сегодня мы заказали советским художникам новые куклы. Кстати, мы недавно показали премьеру детской оперы советского композитора Сергея Прокофьева: «Петя и Волк». Наши куклы заняты в очень многих оперных спектаклях.

Почти за полувековое свое существование театр «Пикколи ди Подрекка» объездил весь мир.

— Сейчас мы завершаем третий тур вокруг планеты, почти конкурируем с вашим спутником, — улыбается Карло Фаринелли. — Москва, если я не ошибаюсь, уже тысяча сто двадцать третий город, где выступает наш театр...

— Сеньор, — прерывает нашу беседу один из актеров и просит извинить его: дело серьезное и не терпит отлагательств. — Сибилло Пиффиретти вывихнул себе палец.

— Ах, этот флейтист, — сокрушается директор, — смените ему руку.

У кукол свои имена. Циркачи Спагеттино и Каннелоне, скрипач Скармильяти, пианист Пикколовский.

— Наш маэстро бесшумно играет уже сорок лет в театре, — говорит Фаринелли и так серьезно произносит эту похвалу, словно речь идет о старейшем и заслуженном актере.

Да, мы его уже видели и оценили. Это он вадремнул за роялем, и взмах нетерпеливой палочки дирижера оркестра напрасно азывал к старому пианисту.

— Мы создаем их всех в нашем «Доме грез» — так называется лаборатория театра в Риме. Здесь царство гномов, красных шапочек, маленьких тореадоров, подводных пловцов в аквалангах. И создавая каждого из них, наш добрый, старый Витторио Подрекка (он умер за месяц до поездки в Советский Союз) говорил: будь человеком, маленьким, смешным, но обязательно человеком. Мой собеседник умолкает на секунду.

— Да, я хотел вам сказать о главном, что мы увидели здесь. Мы привыкли к добрым чувствам зрителей. Но то, что выпало нам на долю в Москве, было самым удивительным за все три тура вокруг планеты. После первого нашего спектакля я ушел взволнованный из театра и бродил по улицам города. Дошел до телеграфа и все рассказал Риму о первом дне, проведенном в Москве.

— Не разрешите ли вы и нам узнать, о чем вы рассказали?

— С удовольствием. Буду очень рад, если и ваши читатели узнают о переживаниях старых и молодых итальянских актеров. — И Карло Фаринелли читает мне по памяти свою телеграмму.

«Сегодня еще одна ниточка появилась в нашем театре. Мы ее уже держим в руках, она нам очень дорога — эта невидимая нить, связавшая нас с чутким, умным, умеющим удивительно хорошо чувствовать смешное советским зрителем. Вас и себя поздравляю с успехом в Москве».

И мы тоже поздравили наших талантливых гостей — Гулливеров среди малышей Подрекка.

А. ЛАЗЕВНИКОВ

Сергей Образцов познакомился с Карло Фаринелли еще в Лондоне. Сейчас в Москве они встретились как старые друзья.
Фото А. Князева